

ГВЕНДОЛИН ТОНТОН

ПРИМОРДИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 930
ББК 87.21
Т57

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Тонтон, Г.

Т57 Примордиальные традиции. — М.: Тотенбург, 2022. — 458 с.

ISBN 978-5-9216-2395-8

*В этой книге собраны лучшие публикации из австралийского альманаха *Primordial Traditions* (2006–2010), затрагивающие более широкое применение традиционалистских идей к условиям современности, нежели это обычно принято. Алхимия, философия, цивилизация, Кали-юга, даже проблемы экономики и государственного строительства — это далеко не полный спектр вопросов, рассматривающихся авторами. Также проводится анализ элементов различных духовных традиций, как древних, так и современных, в их эзотерическом аспекте: от Южной Америки до Таиланда и от Индии до Скандинавии.*

**УДК 930
ББК 87.21**

ISBN 978-5-9216-2395-8

© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ТРАДИЦИЯ.....	13
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Sophia Perennis: доктрина восхождения	13
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Примордиальная Традиция.....	56
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Эпоха тьмы: пророчества Кали-юги	74
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Восход Меркурия: жизнь и труды Юлиуса Эволы.....	89
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Ars Regia: ещё один взгляд на царское искусство	104
<i>Стивен М. Бортвик</i>	
Tempora mutantur: деградация людей и аристократического принципа.....	124
<i>Патрик Бош</i>	
Сакральное государство: традиционная доктрина государственной легитимности	140
<i>Крум Стефанов</i>	
Традиция и деньги	151
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ.....	171
<i>Дэймон Закариас Ликиринос</i>	
Суфийский путь странника и любовника: взгляд на исламскую философию и практику.....	171
<i>Мэтт Хайдук</i>	
Непобедимое Солнце: культ Митры.....	195
<i>Дэймон Закариас Ликиринос</i>	
Езиды: служители ангела или дьявола?.....	229

ВОСТОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ.....	254
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Тантра — пятая веда или антиведа?.....	254
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Эстетика божественного в индуизме	270
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Божественное бессмертие: Natarāja, Śankara и высшее сознание в образности Шивы.....	281
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Монахи и магия: использование магии сангха в Таиланде	320
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Делает ли практика совершенным? Роль gṛham mo в Шести йогах Наропы.....	330
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Проясня Ясный Свет.....	346
ЕВРОПЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ.....	361
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
О волках и людях: берсерки и вратьи	361
<i>Гвендолин Тонтон</i>	
Древняя богиня или политическая богиня?.....	378
<i>Стивен М. Бортвик</i>	
Знание — сила: руническая магия в германской культуре.....	391
<i>Дэймон Закариас Ликуруинос</i>	
Те, кто бродят в ночи: маги среди эллинов	402
ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ ТРАДИЦИИ	426
<i>Боб Макрански.</i>	
Церемониальная астрология майя.....	426

Всякий раз, когда в этом мире наступает Дхармы упадок,
когда нагло порок торжествует, Я себя порождаю.
Появляюсь Я в каждой юге, чтоб восставить погибшую дхарму,
чтобы вновь заступиться за добрых, чтобы вновь покарать злодеев.

Бхагавадгита

ВВЕДЕНИЕ

Примордиальная Традиция — это метафизика, лежащая в основе самой религии. Не просто её часть, но та философия, посредством которой объясняется религия и человеческая вера. Согласно выводам культурной антропологии, на заре появления человеческого сознания возникли такие внутренне неразрывно связанные когнитивные способности, как религиозное и творческое мышление. Изначально искусство использовалось в ритуальных целях, первое религиозно окрашенное использование символа мы обнаруживаем около 10 000 лет назад. Поэтому мы можем согласиться с Кантом и Кьеркегором, считавшими религию не отдельной формой или категорией мышления, но скорее одной из сфер культуры (я также согласна с представлением Кьеркегора о существовании двух форм религии, тип А и тип В, которые будут рассмотрены в дальнейшем). Принимая это допущение как априорное, истинным и самым чистым аспектом религии мы можем назвать тот, что оперирует напрямую языком символов — являющихся по большому счёту «универсалиями». Данное представление прослеживается вплоть до Платона. Он первый из известных нам мыслителей обратился к идее, согласно которой символы могут составлять независимую «реальность». Карл Юнг, ученик Зигмунда Фрейда и один из пионеров в сфере психологии, разделял схожее убеждение, выраженное в его теории об архетипах, а также в его подходе к интерпретации сновидений и символов подсознательно-

го. Опираясь на работы Юнга, архетипическая психология развивает эту концепцию, толкуя миф как интерпретацию различных психологических процессов.

С появлением таких авторов, как Жорж Дюмезиль и Мирча Элиаде, работавших в направлениях сравнительной мифологии и истории религий соответственно, границы присутствия Примордиальной Традиции ещё более расширяются. Религиозные идеи начинают интерпретировать и понимать в свете их взаимосвязи друг с другом: если элемент одной конкретной религии мы рассматриваем как «универсалию» и часть нашей эпистемологической и метафизической культурной сферы, тогда он должен проявляться и на межкультурном уровне, выходя за рамки ограничений, наложенных биологией и географией. В этом заключается суть Примордиальной Традиции — она играет роль мерила истины, независимая от всех конкретных религиозных систем или верований и одновременно присущая каждому подлинному и аутентичному религиозному учению. Отчасти символическое и эстетическое, отчасти логическое и идеологическое, её присутствие может быть обнаружено во всех вещах, которые используют символ как язык и полагаются на абстрактное мышление как способ выражения.

В новейшей истории термин Традиция ассоциируется с такими именами, как Рене Генон, Фритьоф Шуон, Ананда Кумарасвами, Хастон Смит, Олдос Хаксли, Юлиус Эвола, а также Рамакришна и Свами Вивеканда. Эти авторы были наиболее современными воплощениями Примордиальной Традиции, которая проявляется в каждой эпохе в разных формах. Впервые в Европе она стала известна как *perenni philosophia* в книге Агостино Стеуко

De perenni philosophia libri X, опубликованной в 1540 году. Затем она стала *prisca theologia*, а позже *religio perennis* или *philosophia perennis* (вечная философия). Под именем *perennial philosophy* она обсуждалась в 1893 году на Международной конференции религий в Чикаго. Примордиальная Традиция — это возврат к первоисточнику, первому проблеску сознания в мышлении человека, к искре божественного, которую мы обнаруживаем во всех Традициях. Это первоначальный базовый субстрат, который проистекает напрямую из божественного, через кровь человека в поток науки, искусства и культуры. Там, где присутствует цивилизация, должна существовать и Примордиальная Традиция, даже в сверхсовременных городских джунглях. Самым близким к нам воплощением Примордиальной Традиции, предшествующим данной публикации, являются работы Хастона Смита. Именно Смит первым выступил с предложением использовать термин «Примордиальная Традиция» вместо традиционализма как обозначение для первоисточника жизни и зарождения сознания. На мой взгляд, это более подходящее понятие, свободное от прошлых ограничений и ассоциаций, открытое для будущего развития.

Примордиальная Традиция одновременно выступает *sui generis* и архаическим истоком сознания и цивилизации в человеке, это обращение к самому загадочному из всех принципов. Таким образом, она не принадлежит ни одной конкретной религии и в то же время является источником всех, будучи проявлением божественной воли, осуществлённой руками человека. Так как Примордиальная Традиция является всеми религиями и ни одной конкретной, её изучение не предполагает приверженность догма-

тизму или фундаментализму. Интерпретируя и сравнивая символы и паттерны веры в религиях и мифологиях, мы можем с лёгкостью обнаружить метафизические и нравственные истины, благодаря чему создаётся уровень гнозиса, или знания, значительно превосходящего тот, что может предоставить нам одна конкретная традиция. Примордиальная Традиция, таким образом, не является Традицией самой по себе, скорее это язык и посредник, с помощью которого толкуется Традиция и религия. Ни одна конкретная система мышления или верований не считается превосходящей иные, но признаётся уникальным выражением вечной истины, транслируемой посредством культуры. Поэтому приверженцы Примордиальной Традиции могут принадлежать любой аутентичной религии или духовной Традиции; можно даже быть атеистом и использовать язык Примордиальной Традиции для передачи идей как духовных ценностей. При верном использовании, не подчинённом политическим целям, Примордиальная Традиция стремится обучать людей и устранять барьеры заблуждений, мешающих различным культурам общаться друг с другом, выводя единые для всех религий принципы. Во всех сферах язык и кровь Примордиальной Традиции неизменны, будь то индуизм, христианство, язычество, шаманизм или другие религии. Политеизм, генотеизм или монотеизм — это лишь различные диалекты и логосы Бога, источник же не подвержен изменениям. Пророки лишь актуализируют форму выражения для наиболее эффективной передачи каждому конкретному поколению.

До тех пор пока религии, традиции и духовные движения не признают существование общего источника, из которого все они были рождены, в мире

будет править непонимание и неуважение, а религия будет использоваться политикой в целях пропаганды и социального контроля. Подлинная Традиция стремится к самосовершенствованию, обучению и позитивному этосу, она не поощряет и не порождает притеснение других под предлогом неких «священных войн». В настоящее время религия разрушена и испорчена, не Богами, но руками человека. Божественный Закон (сакральное) и Государственный Закон (профанное) были разделены; Божественное было сублимировано и подчинено Государственному, оно стало частью Государственного, а теперь пришёл и завершающий этап, когда Государство стремится упразднить Божественное раз и навсегда посредством распространения сциентизма. Поступая таким образом, Государство отрекается от своей роли выразителя слова божьего и становится словом человеческим, правлением недобросовестных политиков, извративших священные тексты, чтобы вредить, отчуждать и подавлять своих граждан. Ему неинтересно стремление к наиболее чистому выражению Божественного; тому, что Сократ называл *kalos kagathos* (прекрасный, благой и добродетельный), а Платон *sophos kagathos* (мудрый и благой). Такие ценности более не считаются заслуживающими внимания в среде отчуждённого народонаселения, вероятно далёкого даже от самого себя. Есть лишь один Закон: Закон Государства. Нравственный и Божественный Закон низведены до самых незначительных позиций. То, что не может быть эмпирически установлено и подсчитано, то, что не имеет материальной ценности, под власть Государства и гиперкапитализма, ставшего новым Хозяином человека, не имеет никакого значения. Человеческий дух,

нравственность, искусство, знание, культура — всё это разрушено стремительным вторжением Государства во внутреннюю жизнь человека.

Примордиальная Традиция нашей эпохи не знает ни рангов, ни титулов, ей безразличны признаки богатства или доблести — пророк и мудрейший из людей может с равной вероятностью быть найден в трущобах, тюрьме или в храме. Такова природа нашего времени, ведь религия искалечена алчностью смертных, низведена до такого уровня, что сакральное проявляется с большей силой среди изгоев, нежели в массовых собраниях верующих. Такова природа эпохи, пребывающей в состоянии окончательной низости, предшествующей нравственным и этическим Сумеркам Души. В такое время те, кто действительно обладает искрой божественного, должны избегать споров о различиях в вере, политических убеждениях, расе, половой принадлежности или культуре. Мудрость следует возвращать там, где мы её обнаруживаем, а те, кто судит без разбора, делают это по причине собственной слепоты и привязанности к невежеству материального. Узы физического и политического вторичны по отношению к божественной воле. Не обладая дальновидностью, способностью учитывать обстоятельства и иную перспективу, те, кто приписывает первичное значение политическому и физическому, становятся симптомом проблемы, а не её решением. Примордиальная Традиция носит не эксклюзивный, а инклюзивный характер, она направлена на обучение и сохранение. Данное введение — это нечто большее, чем просто начало; это обвинение тех, кто стремится стать меньше, чем человеком, от тех, кто стремится делать людей более человечными перед лицом любых препятствий.

ГВЕНДОЛИН ТОНТОН

SOPHIA PERENNIS: ДОКТРИНА ВОСХОЖДЕНИЯ

Испытай один раз полёт, и твои глаза навечно
будут устремлены в небо. Однажды там побывав,
на всю жизнь обречён тосковать о нём.

Леонардо да Винчи

Поиск мудрости гуманитарными науками столь же стар, как и само человеческое сознание: наше влечение к искусствам и духовной жизни произошло с зари цивилизации. Религии, глубоко переплетённой в архаических глубинах нашей души с творческими порывами, мы обязаны рождением культуры, что отделила нас от других видов, населяющих планету. Без искусства и религиозной традиции не было бы и цивилизации; никакого прогресса, никакой эволюции. Однако сегодня именно эти аргументы приводят сторонники сциентизма с целью очернения тех самых условий, что некогда позволили человечеству процветать и развиваться как виду. Религия породила искусство, закон, мораль и этику, а те, кто атакует Традицию, по сути, бьют по самому человечеству, вытравливая из общества тот принцип,

что делает его человеческим и человечным. Когда мы заявляем, что человек есть не более чем биологический автоматон, лишённый разума и морали, мы подрываем корни закона и этики — человек, более не обязанный действовать как нечто большее, чем животное, лишается своего высшего этоса и погружается в бездну экзистенциального нигилизма, точнее основы самого современного общества. Человек, убеждённый в том, что он лишь биологический организм, более не стремится к изысканным наслаждениям жизни, вместо этого находя утешение на дне бутылки, в пустых объятиях блудниц, бесчинствуя из-за результатов спортивных матчей: он заинтересован только в удовлетворении своих нарциссических и гедонистических импульсов.

Атакуя Традицию, человек увечит цивилизацию, разрушает фундамент, на котором и было изначально выстроено общество. Современный человек не привык делать ничего, за что ему не заплатили — более не существует социальных обязательств, бедняков обирают до нитки, в то время как богачи отравляют Землю чрезмерной эксплуатацией природных ресурсов, доводя животных до вымирания во имя современного мифа о «прогессе любой ценой». Это неустанное стремление к внешнему расширению и росту приводит к беспрецедентному сжатию внутренней жизни человека. Наши современники совершают интеллектуальный суицид, ведь при всех их научных достижениях и экономических победах они не могут породить нового Ганди, да Винчи, Шекспира или Будду. Индивидуальный гений и творческий порыв были стёрты, независимое мышление активно уничтожается безжалостной посредственностью. Тот, кто не производит материальных ценностей, бо-

лее сам не имеет ценности. В этом заключается вся доктрина «прогресса», не берущая в расчёт социальные последствия. Именно поэтому её последователей неизбежно постигнет самоуничтожение. Комментируя веру в миф «прогресса», Дадли Янг говорил: «Рука науки должна быть признана одновременно взращивающей и хищной. Во втором случае она должна ограничиваться законами и молитвами, которым покорно следует сердце»¹.

Вслед за смертью религии следует разрушение искусства и гуманитарных наук, отныне производящих посредственность за посредственностью. Сегодня только бунтари могут петь, шептать вдохновенную прозу и рисовать лик серафима — материализм, наступление сциентизма и неудержимая потребность в эмпирических измерениях убили творчество, воображение и дух. И мы позволили этому случиться; никто не посмел приблизиться к камню мудрости и вытянуть из него меч Традиции, подобный Экскалибуру, не говоря уже о силе владеть им, стать пророком нового Эона в Эпоху Тьмы. То, что некогда было известно как величайшая тайна Традиции, ритуалы восхождения, теперь забыто, похоронено под слоями лжи и полуправды, произведённой для аудитории, жаждущей хоть чем-то заполнить саднящую полость внутри них, оставленную отсутствием этоса и мудрости духовной традиции. Традиция погрузилась в сон, сокрыв свои тайны, когда-то бывшие жизнью и кровью мира. Доктрины Восхождения, сформировавшие ядро всех ныне существующих подлинных духовных традиций, были утрачены навсегда.

¹ Young, D. *Origins of the Sacred: The Ecstasies of Love and War.* — UK: Little, Brown and Company (UK) Limited, 1992. — 23.

Религия, нравится это кому-то или нет, является фундаментом цивилизации и всех обществ. Подобно языку и искусству, религия — это универсалия, присутствовавшая в человеческом разуме с самого начала. Ещё неандертальцы практиковали церемониальное погребение, и, как считается, подобные действия имели религиозное наполнение уже 100 000 лет назад². Таким образом, религия предшествовала даже появлению человеческого вида. Это источник возникновения цивилизации, подаривший нам представление о морали, отличающее людей от других видов живых существ, населяющих Землю. Более того, если говорить о некоем изобретении религии, впоследствии ей удалось проникнуть практически во все разновидности человеческой культуры. Однако на протяжении известной нам истории религия никогда явно не изобреталась, она всегда была с нами, передаваясь из поколения в поколение с незапамятных времён³. Таким образом, она является некоей универсальной характеристикой человеческого мышления, присущей обществу и естественным образом находящейся во всех ветвях человечества.

Примордиальная Традиция

Первичной целью подлинной духовной традиции является обучение. Во вторую очередь она объясняет тайны, лежащие за пределами эмпирического восприятия, величайшей из которых является по-

² Burkert, W. *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*. — USA: Harvard University Press, 1998. — 12.

³ *Ibid.*, 1.

следний рубеж — смерть. Необходимость иметь дело со смертью и умиранием формирует неотъемлемую часть всех религий. Согласно Шопенгауэру, сотериология и объяснение смерти являются определяющей точкой всех подлинных религий. Так как смерть является самым травматичным событием из возможных и совершенно недоступна для стороннего наблюдателя, вполне естественно, что она стала главным страхом человечества. Именно по этой причине вопрос загробной жизни играет такую значительную роль в религиозных верованиях — как говорится, «в окопах не бывает атеистов». Любой, столкнувшийся со смертью лицом к лицу или испытывший сильную боль, несомненно, встретит их со смиренной молитвой на устах. Страх смерти попирает все рациональные импульсы, и ни один умирающий не обратится в последние минуты к книге «Бог как иллюзия» за утешением (и не один обладатель литературного вкуса, ведь отрицание Ричардом Докинзом существования Бога не менее бредово, чем его вера в свои творческие способности).

Для понимания природы духовных традиций мы должны обратиться к первоисточнику, Примордиальной Традиции. Как писал о сакральном Николас Гомес Давила, «Каждая инновация — это профанация», подразумевая, что каждое отклонение и любое движение отдаляет акт от сакрального и сердца Традиции. Значит ли это, что в конечном счёте чем древнее и «примитивнее» Традиция, тем чище её связь с божественным? Некоторые исследователи религии, такие как Фридрих Макс Мюллер, действительно придерживаются именно такого взгляда.

Мюллер, «отец сравнительного религиоведения»⁴, утверждал, что вера в божественное, а также язык формирует основу этнической идентичности. Кроме того, он писал: «Какой бы детской ни казалась нам религия, она всегда представляет высочайший идеал совершенства, который может быть достигнут и понят человеческой душой»⁵. В отличие от других исследователей своего времени, Мюллер не верил, что более «примитивные» традиции находятся на нижестоящей ступени относительно существующих на современном ему Западе, напротив, он был убеждён, что они обладают таким же правом претендовать на подлинность нуминозного опыта. Поэтому Мюллер был особенно заинтересован в исследовании древних традиций для понимания источника религиозной веры. В наибольшей степени его привлекала Ригведа, по понятным причинам. Мюллер пишет:

«[...] в ведийских гимнах мы встречаем первое откровение Божества, первое выражение удивления и сомнений, первое открытие, что за пределами этого видимого, тленного мира, существует нечто невидимое, вечное и божественное. Никто из читавших гимны Ригведы более не может сомневаться относительно того, каким был источник [...] имена подсказывают нам, что некогда они были обозначениями великих природных феноменов: огня, воды, дождя и грозы, Солнца и Луны, неба и земли»⁶.

Традиции ведийской эры или религии протоиндоевропейских народов до сих пор остаются загадкой, равно интригующей исследователей и обыч-

⁴ Morris, B. *Anthropological Studies of Religion: An Introductory Text*. — USA: Cambridge University Press, 1987. — 92.

⁵ *Ibid.*, 93.

⁶ *Ibid.*, 93–94.

ных людей — нет ничего таинственнее начала, поэтому именно эти почтенные традиции обладают наибольшей притягательностью. Начало — это источник самого божественного; Примордиальная Традиция, являющаяся сердцем любой религиозной веры. В идее начала пересекаются известное и неизвестное, Бытие и Небытие: нечто начинающееся там, где ничто не кончается. Эта нулевая точка существования может быть настолько устрашающей, что многие философы (включая научных материалистов) пытались и вовсе избавиться от неё. Миф о первоначале очаровывает нас, разворачиваясь подобно ленте Мёбиуса в непрерывный континуум, представляя парадокс, находящийся выше и вне интеллектуального объяснения, в сферах, где эмпирическая логика бесполезна. Как начало, так и конец предполагают наличие состояния не-существования, а также концепцию бесконечности, которую смертные, обладающие лишь опытом конечной жизни, с трудом могут осмыслить. В тех традициях, что имеют пантеистические и генотеистические элементы, раскрывается парадигма религии как космической истины, природного порядка, предоставляющего нам телеологическую модель природы как разума и тела Бога. Данное представление также привлекало внимание Вебера, он пишет:

«Процесс рационализации способствовал установлению примата универсальных богов. Каждое последовательное создание пантеона в какой-то степени следует систематическим и рациональным принципам, поскольку оно всегда испытывает влияние рационализма профессионального жречества или

⁷ Young, D. *Origins of the Sacred: The Ecstasies of Love and War*, 6.

стремления к упорядочению со стороны светских властей. И прежде всего упомянутое родство рационально равномерного движения небесных тел, регулируемое божественным порядком, с нерушимостью священного земного порядка превращает именно этих богов в призванных защитников обоих явлений, от которых зависит как рациональное хозяйство, так и упорядоченное господство священных норм социального сообщества»⁸.

В дальнейшем Вебер развивает это утверждение, объясняя, что этнические связи, составляющие основу нравственного и культурного порядка, обуславливают появление пророков (отличных от жрецов в своей социальной функции), которые обретают власть как лидеры религиозных движений, устанавливающих перманентный фундамент в истории духовной традиции. Религиозное сообщество возникает естественным образом из пророческого движения в результате рутинизации (*Veralltäglicung*), процесса, посредством которого либо сам пророк, или же его ученики обеспечивают сохранность его послания⁹. Поэтому не организованное жречество кристаллизует Традицию, но скорее пророки, выступающие логосом или словом Бога. Пророк не нуждается в узах родства, которые Рене Генон считал необходимым условием принадлежности к Традиции — инициация является требованием исключительно закона смертных, пророк же назначен именем божественного закона. Таков был источник силы для древних *ršis*, бардов и даже логоса Христа — тайный язык птиц, нисходящий

⁸ Morris, B. *Anthropological Studies of Religion: An Introductory Text*. — USA: Cambridge University Press, 1987. — 71.

⁹ *Ibid.*, 73.

с небес на пророков. Им принадлежит не речь смертных, но голос священного, делающий возможным существование языка эзотерического знания, божественного языка символов.

Язык птиц

Развивая идеи Вебера, Клиффорд Гирц определил религию как «(1) систему символов, применяемых с целью (2) установления мощных, убедительных и долгосрочных настроений и побуждений в человеческом сообществе путём (3) формулирования представления об общем порядке существования и (4) облечения данных представлений такой аурой фактичности, что (5) настроения и побуждения кажутся исключительно реалистичными»¹⁰. Эмиль Дюркгейм также предполагал, что священные объекты и эмблемы были символами, поэтому перед нами стоит задача идентифицировать такие символы, а также их означаемое¹¹. Именно поэтому искусство и религия неразрывно связаны: они говорят языком метафор, который может быть выучен только путём мучительной практики или естественной склонности к мудрости. Естественная мудрость редко встречается среди молодых, ведь обычно она накапливается с возрастом. Именно для этой цели — распространения мудрости — религия обрела общественное положение, предоставляя утешение и совет тем, кто не обладает мудростью. Изначально религия носила воспитательную социальную функцию, но позже её

¹⁰ Burkert, W. *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*, 5.

¹¹ Morris, B. *Anthropological Studies of Religion: An Introductory Text*, 117.

роль была расширена до кодифицированных законов и законодательных процедур, существующих по сей день. Разница между современными законами и старыми состоит в том, что мудрость более не является необходимым условием и обрела вторичную важность относительно бюрократической процедуры.

Именно наша способность мыслить абстрактно проводит границу между сознанием животных и высшими когнитивными функциями, величиим творческого потенциала человека. Лесли Уайт отстаивал точку зрения, что хотя шимпанзе безусловно являются умными животными, способными использовать различные орудия, счётные фишки, компьютеры и язык жестов для выражения простых эмоций и желаний, всё же они фундаментально отличаются от нас своим мышлением¹². Хотя обезьяны могут рисовать, они не способны использовать искусство для выражения метафорических интерпретаций действительности. Интеллектуальная креативность — это когнитивная функция, присущая исключительно людям. Поэтому не является совпадением тот факт, что упадок творчества и таланта в литературе и искусстве в нашу эпоху совпадает со снижением интереса к духовной сфере. Ослабевание творческого начала в людях соответствует росту интереса к эмпирически измеримым характеристикам и материализму. Сегодня воображение мертво практически полностью. Метафорические символы, составляющие краеугольный камень эстетических устремлений, также являются одним из инструментов Традиции, служащих для выражения созидательного принципа, рас-

¹² Wenke, R. J. *Patterns in Prehistory: Mankind's First Three Million Years.* — USA: Oxford University Press, 1990. — 77.

положенного в бессознательном, ведь «дух проявляется в психе как инстинкт», как «принцип sui generis» (К. Юнг «О психической энергии»)¹³. Юнг подробно рассматривает эти концепции в своих работах, а его теория архетипической психологии во многом полагается на природу символов, мифа и об-разности. Переводя язык символов на только воз-никший язык психологии, Юнг пишет:

«Любое взаимоотношение с архетипом, будь то посредством опыта или просто устного слова, при-водит к некоторому “возбуждению”, высвобожде-нию внутри нас голоса более могучего, нежели наш собственный. Того, который говорит примордиаль-ными образами, говорит тысячей голосов; он приво-дит в восторг и подавляет, возносит идею, которую хочет выразить, над всеми обстоятельствами и пере-носит её в царство вечного. Он превращает нашу личную судьбу в судьбу человечества, тем самым пробуждая в нас все те благотворные силы, которые всегда позволяли человечеству найти убежище от всех опасностей и пережить самую долгую ночь»¹⁴.

Юнг связывал символы и архетипы с вырази-ем творческой функции человека, называя символы «коконом смысла, вокруг которого вращается челове-чество. Все исследования и интерпретации культуры являются исследованием и интерпретацией архетипов и их символов»¹⁵. Представления Юнга, разумеется, происходят из гораздо более древних теорий Платона о Формах и Идеалах. Он развил эти идеи, дополнив

¹³ Neumann, E. *The Origins and History of Consciousness*, trans. Hull, R. F. C. — USA: Princeton University Press, 1993. — 368.

¹⁴ *Ibid.*, 370.

¹⁵ *Ibid.*, 371.

их концепцией психойдов¹⁶, влияющих на материю (природу) так же, как и на разум (психе), преодолевая раскол между материальными и нематериальными аспектами жизни¹⁷. Психойды «заливают своё незамутнённое и светоносное мышление в формы — представления, слова, язык, — которые раскалывают их, ведь “рациональное” и “рассуждение” предполагают процесс деления реальности на отдельные вещи для содействия обсуждению»¹⁸. Мифы и психойды определяют идентичность человечества, а также при-сущие ему ценности, которые и составляют религию (лат. *re-ligare* = связывать): они связывают его посредством памяти с божественными предками, обучившими общество действовать и думать определённым образом¹⁹. Культурный предшественник религии, наследственная и общинная связь, таким образом, является социокультурным элементом Традиции. При рассмотрении с этой точки зрения то, что суфии называли Миром Царствования (*malakut*), а индусы — сиддхами, работает схожим с психойдами образом, развёртывая импульс «магии» как активной силы на телесную материю²⁰. Как писал Юнг:

«Полностью проживать нашу жизнь возможно лишь в гармонии с этими символами; мудрость — это возврат к ним. Это вопрос не веры или даже знания, но согласия нашего мышления с примордиаль-

¹⁶ Психойд — душеподобный или квазипсихический — понятие, применимое фактически к любому архетипу, выражающее неизвестную, но доступную переживанию связь между психическим и материальным. — *Прим. пер.*

¹⁷ Smith, H. *Forgotten Truth: The Common Vision of the World's Religions*. — USA: Harper San Francisco, 1992. — 40.

¹⁸ *Ibid.*, 66.

¹⁹ Young, D. *Origins of the Sacred: The Ecstasies of Love and War*, 18.

²⁰ Smith, H. *Forgotten Truth: The Common Vision of the World's Religions*, 41.

ными образами бессознательного. Они являются источником всех наших осознанных мыслей, в том числе представления о жизни и смерти. Наука и эти символы несоизмеримы»²¹.

Эти глубинные слои сознания, некогда известные мудрецам, теперь представляют неведомое и последний великий неисследованный рубеж науки. Порог сознательного, бессознательного, снов и смерти — это тайны, разгаданные только религией и находящиеся в отдалённой периферии научных открытий. Отношения со смертью, душой и природой внутренних когнитивных переживаний являются языком и валютой духовных традиций. У всех аутентичных Традиций мы находим тексты, рассматривающие опыт смерти, и именно они подразумеваются, когда мы говорим о «доктринах восхождения». Любая такая доктрина обязательно предполагает, что существует нечто за пределами привычного человеческого опыта и в то же время доступное внутри него. Таким образом, это нечто, что возвышает человека над повседневностью, открывающее доступ к сверхъестественному тем, кто станет его адептом. Своим последователям Традиция обещает наилучший из подарков: доступ к миру за пределами этого, бессмертие в небесных сферах. Религия, однако, скрывает тайну — небеса не эгалитарны, и их блаженства не доступны всем без разбора. Существуют законы, техники и действия, делающие восхождение возможным, это оберегаемые учения, раскрывающиеся только избранным и верным. Всё это учит самому ценному уроку жизни — как иметь дело с неизбежностью нашей смерти.

²¹ Jung, C. G. *Modern Man in Search of a Soul*, trans. Dell, W. S., & Daynes, C. F. — UK: Routledge, 2007. — 113.

Тело Бога

Наша жизнь — и, следовательно, смерть — напрямую связана с представлениями о природе Бога и Души. Без элементарного рассмотрения этих двух аспектов Традиции мы ничего не сможем понять относительно возможного загробного существования. В первую очередь нужно отметить, что тело Бога неотделимо от физического мира, при этом порядок, присущий природе, является отражением божественной природы, что в некоторой степени связано с телеологической теорией или аргументом разумного замысла. В этой связи нужно упомянуть современного философа Чарльза Хартсхорна, чья «процесс-теология» скорее панентеистична, нежели пантеистична. Хартсхорн обращает внимание на взаимоотношения между миром и Богом:

«Мир состоит из индивидов, составляющих всеохватное целое. Подобно любому живому существу, это целое одновременно можно назвать простым и составным; оно демонстрирует нам сложность и целостность. Когда мы говорим о живых существах, акцент делается на множественности отдельных компонентов мира. Когда мы говорим о Боге, акцент делается на единстве и единичности мира. Бог — это единственный подлинный космический индивидуум. Из этого следует, что он всеобъемлющ и безграничен, у него нет соперников или равных»²².

Данные представления о Боге и Мире, по сути, являются размышлениями на основе информации, изложенной в традиционных источниках, в особен-

²² Bilimoria, P., & Stansell, E. Suturing the Body Corporate (Divine and Human) in the Brahmanic Traditions in *Sophia*, June 2010. — Springer, 2010. — 259.

ности это касается примеров, почерпнутых из пантеизма. В случае монотеистических традиций все грани, присущие природе, и сам мир становятся поглощены единым представлением о Боге, таким образом, делая монотеистическое божество отдельным от своего творения. Именно по этой причине пантеистические традиции сохранили благоговение перед миром природы, сохранившееся вплоть до современной эпохи. Данные идеи распространены в индуистских текстах, ведь индуизм является крупнейшей пантеистической традицией. Конкретно эта концепция происходит из ведийской эпохи. В Бхагавадгите, когда Арджуна просит узреть истинный лик Кришны, тот раскрывается как составная форма божества с бесчисленными аспектами.

*Сонмом дивных уборов сверкал Он,
ароматами благоухал Он;
беспредельный Господь всюдуликий,
бог богов, чудеса все вмещал Он.*

*Если тысячи солнц свет ужасный
в небесах запылают разом —
это будет всего лишь подобье
светозарного лика махатмы.*

*Как бы собранный вдруг воедино
целый мир, всех существ бесконечность
пред собою тогда увидел
в теле бога богов сын Панду²³.*

Это чрезвычайно древнее представление, берущее начало не в Махабхарате, частью которой является Бхагавадгита, но гораздо раньше, в ведийском корпусе текстов. Впервые мы встречаем его в гимне

²³ Ibid., 243–244.

Puruṣa Sukta, в котором повествуется история Пуруши, первочеловека²⁴. Из Пуруши были созданы социальные страты и три мира. Утверждается, что Пуруша обладал тысячью тел, глаз и ступней; окутывая землю со всех сторон, он выходил за пределы её на десять пальцев²⁵. Весь порядок произошёл от Пуруши, из тела большего организма, служащего иллюстрацией тому, как части интегрируются в общественное устройство и как в принципе функционирует космос.

«Его рот стал брахманом, его руки сделались раджаньей (кшатрием), то, что бёдра его, — это вайшья, из ног родился шудра. Луна из его ума рождена, из глаза Солнце родилось. Из уст — Индра и Агни. Из дыхания родился ветер. Из пупа возникло воздушное пространство, из головы развилось небо, из ног — земля, стороны света — из ушей. Так они сотворили миры»²⁶.

Божественное присутствует в природе повсюду, так как Пуруша, вселенский разум, проникает во все аспекты Праkritи, или природы²⁷. Данная идея обнаруживается в других аспектах индуизма (более точно обозначенного как Санатана Дхарма), в частности в фигуре Праджапати. Бог Дакша занимает в Пуранах место Праджапати. Оба божества являются олицетворениями космического порядка и космогонической жертвы, которая увековечивает dharma (человеческий закон) и ṛta (космический закон), поддерживающие дхарму, карму и саму ткань бытия. В этом качестве Праджапати тесно ассоциируется

²⁴ Ibid., 239–240.

²⁵ Ibid., 239–240.

²⁶ Ibid., 239–240.

²⁷ Daniélou, D. *Shiva and Primordial Tradition: From the Tantras to the Science of Dreams*, trans. Hurry K. F. — Vermont: Inner Traditions, 2007. — 3.

с творческой функцией. И Праджапати и Дакша переступают ṛta, после чего получают наказание от Рудры и Шивы соответственно — будучи «богами-аутсайдерами», только они двое могут действовать за пределами эффектов дхармы и потому могут наказать Богатворца, если он согрешит. Хотя творец отделён от Порядка, он остаётся связанным им и может быть наказан «богами-аутсайдерами», которые также не связаны ṛta, но всё же поддерживают его, когда он рушится — таким образом, с точки зрения этических ограничений, они являются прямыми противоположностями. Праджапати одновременно является исполнителем ритуала и жертвой. Таким образом, в критические моменты, когда он нарушает дхарму, жертвоприношение (и, следовательно, вся вселенная), разрушается, и он принуждается противоборствующими богами к защите ṛta. Праджапати в своём созидательном аспекте описывается следующим образом:

«Праджапати породил живых существ [...] Данный процесс явно рассматривался как экстериоризация (или обретение независимого существования) существ или объектов, которые до этого находились внутри творца и составляли часть его тотальности, бытия или личности. О Праджапати часто говорится, что он излучал из себя жертвоприношение»²⁸.

Праджапати это не только автор первого ведийского жертвоприношения, он также описывается как жертва — «Праджапати — это уај̄на»²⁹. С точки зрения ритуального аспекта, при проведении жертвоприношения людьми ātman приносящего жертву идентичен

²⁸ Gonda, J. *Vedic Gods and the Sacrifice in Numen*, Vol. 30, Fasc. 1. — Brill: 1983. — 3.

²⁹ Ibid., 6.

Праджапати, и таким образом, человек принимает участие в тождестве бога и жертвы³⁰. В этом свете различие между обрядом и участником является отражением различия между Брахманом (творец, основание мира, внутренняя самость всех существ) и атманом — конкретной самостью или душой. Тело человека является физической репрезентацией той жертвы, что служит средством устранения раскола между Брахманом и атманом, между микрокосмом человека и макрокосмом Бога. Параллели с этой идеей могут быть обнаружены в других духовных традициях, например греческой. Макэвелли предполагает, что гипотезы, изложенные в диалоге Платона «Парменид», обеспечивают надстройку для неоплатонической метафизики. В частности, он утверждает, что понятия Платона «Единое», «Демиург» и «Неопределённая Диада» (пассивный, материальный принцип) соответствует Пуруше, Ишваре и Пракрити соответственно³¹. В «Тимее» первым принципом космологии также обозначен телеологический принцип, диалог обращается к благу, на создание которого направлен космос³². Сходства с Пурушей также могут быть найдены в скандинавских мифах, а конкретно в смерти Имира, тело которого было превращено в землю, хотя, по всей видимости, он не обладал созидательной функцией — вместо этого она принадлежит Одину и передаётся в его дар *ǫnd* (дыхание, дух, душа) первым мужчине и женщине³³.

³⁰ Ibid., 19.

³¹ Bussanlch, J. The Roots of Platonism and Vedanta: Comments on Thomas McEvilley in *International Journal of Hindu Studies* 9, 1–3. — World Heritage Press Inc, 2005. — 15.

³² Plato, *Timaeus & Critias*, trans. T. K. Johansen. — UK: Penguin Classics, 2008, xiv.

³³ Auld, R. L. The Psychological and Mythic Unity of the God Odinn in *Numen*, Vol. 23, Fasc. 2. — Brill, 1976. — 154–155.

Как мы видим в случае с даром Одина, душа зачастую отождествляется с дыханием — даже сегодня при оказании первой помощи первым признаком жизни является наличие дыхания. Там, где есть дыхание, есть и жизнь. В мире Традиции дыхание и жизнь это одно и то же. В архаической Греции это дыхание называли *phusis*, Анри Бергсон обозначал его как *élan vital*³⁴. Частичное объяснение для этой связи в греческой Традиции мы находим у Анаксимена, заявившего, что «воздух это принцип (*arche*) всего сущего: ведь от него произошли все вещи и в него они растворяются»; «как душа наша, будучи воздухом, сдерживает и контролирует нас, так же ветер (или дыхание) и воздух объемлют весь мир»³⁵. Идея соотношения воздуха с жизнью или дыханием также сближает его с эфиром (*aithō* = гореть, пылать), в смысле «чистого или прозрачного воздуха»³⁶. Представление об эфире также проникло в науку, особенно заметно проявившись в работе Исаака Ньютона *Second Paper on Light and Colours*, где он пишет: «Возможно, вся структура природы может быть лишь различными сплетениями каких-то определённых эфирных духов. Таким образом, возможно, все вещи произошли из эфира»³⁷.

Данное представление о душе как дыхании является не единственной теорией подобного рода в Традиции. Сама идея души также теснейшим образом связана с телеологической моделью, в которой микрокосм человека отражает элементы, находящиеся

³⁴ Young, D. *Origins of the Sacred: The Ecstasies of Love and War*, 30.

³⁵ Mihai, A. *Soul's Aetherial Abode According to the Poteidaia Epitaph and the Presocratic Philosophers* в *Numen* 57. — Brill, 2010. — 565.

³⁶ *Ibid.*, 554.

³⁷ *Ibid.*, 554.

в макрокосме или теле Бога. Осознание единства человека и Бога, а также последующие попытки отождествить конечное с бесконечным являются частью доктрины восхождения. Реализация отношения между атманом и Брахманом является, таким образом, одной из высочайших сотериологических ценностей³⁸. Это отражается даже в аспектах ритуала, как демонстрируют нам космогонические обряды Праджapati. Кроме того, эта идея развивается в самих писаниях, в частности в Чхандогья-упанишаде, где говорится, что гимны (мантры) Ригведы и Самаведы якобы составляют тело человека³⁹. В дальнейшем эти представления перешли и в более поздние школы индуизма, такие как тантризм, создавший священную топологию человеческого тела и иерархическую систему, в которой физическое тело адепта копирует божество.

Эти идеи также находят отражение в греческих текстах, особенно явно в работах Платона. Мы встречаем телеологические представления в «Тимее», в том числе точку зрения, что космос является одушевлённым телом⁴⁰. По мнению Тимея, следует признать, что космос был порождён как живое существо, наделённое душой и разумом⁴¹. В «Государстве» мы также встречаем описание частей души, символизирующих три части Государства (разумная, яростная и страстная), соответствующие трём отдельным зонам тела (голова, сердце и нижняя часть живота)⁴². Более

³⁸ Bilimoria, P., & Stansell, E. Suturing the Body Corporate (Divine and Human) in the Brahmanic Traditions // *Sophia*, June 2010. — Springer, 2010. — 243.

³⁹ *Ibid.*, 242.

⁴⁰ Plato, *Timaeus & Critias*, trans. T. K. Johansen, xxiv.

⁴¹ Sallis, J. *Chorology: On Beginning in Plato's Timaeus*. — Indiana: Indiana University Press, 1999. — 58.

⁴² Plato, *Timaeus & Critias*, trans. T. K. Johansen, xxvi.

того, Платон, хотя и не называет Алкмеона, перенимает его аргументацию бессмертия души:

«Каждая душа (psuchê) бессмертна. Ибо вечно движущееся бессмертно. Каждое тело, чьё движение приходит извне, неодушевлено (apsuchos) и каждое тело, чьё движение исходит изнутри, одушевлено (empsychos), ведь такова природа души (psuchê). Если это так и то, что движет само себя, есть не что иное, как душа, из этого необходимо следует, что душа непорождаема и бессмертна»⁴³.

После ознакомления с данными идеями естественным образом возникает вопрос: что происходит с душой после смерти? Если она бессмертна, тогда душа должна как-то отделяться от тела и продолжать своё движение в другом месте. Возникают ещё более интригующие вопросы: может ли душа покинуть ещё живое тело, будь то вольно или невольно? Одним из примеров такого феномена являются пневматические эксперименты, в которых производились попытки извлечь душу из живого тела. Обычно такие эксперименты проводились с нравственно чистыми юношами, ибо их душа считалась неиспорченной и потому в меньшей степени привязанной к плоти. Прокл, комментируя миф об Эре, изложенный Платоном, пишет следующее:

«Что душа может покинуть тело и вернуться к нему, продемонстрировано историей о человеке, рассказанной Клеархом. Тот якобы использовал свой гипнотизирующий жезл (psuchulkoî ghabdoi) на спящих юношах таким образом, что даже почитаемый Аристотель уверился в этом. Как пишет Клеарх

⁴³ Mihai, A. Soul's Aetherial Abode According to the Poteidaia Epitaph and the Presocratic Philosophers в Numen 57, 566.

в своей работе “О сне”, душа может отделяться от тела, входить в него и использовать как место обитания. Касаясь юношей своим жезлом, он принуждал душу покинуть тело. Отводя её этим средством от тела, он демонстрировал, что тело остаётся неподвижным, при этом будучи невредимым и нечувствительным к ударам, будто бы не одушевлено. Но после того как жезл возвращал душу, пребывавшую неподалёку, в тело, она вновь входила и могла обо всём рассказать»⁴⁴.

Изложенное, безусловно, опирается на другие теории метемпсихоза, которые естественным образом связаны с доктринами восхождения, так как рассматривают, так или иначе, перемещение души. Относительно возникновения учения о метемпсихозе Геродот Галикарнасский утверждает, что оно пришло из Египта, а в Греции было распространено пифагорейцами. По словам Геродота, египтяне первые выдвинули теорию, что душа человека бессмертна, и когда тело гибнет, она входит (eisduethai) в другое живое существо, которое рождается в тот момент. Обойдя всех живых существ на земле и в море, а также птиц, она вновь входит в рождающегося человека; это круговое движение длится три тысячи лет⁴⁵. Однако существует ряд текстов, сообщающих нам о событиях, схожих с метемпсихозом, среди живых, обычно связанных с изменённым состоянием сознания или наличием пророческих способностей. Одним из таких описаний является путешествие души Аристея из Проконнеса.

⁴⁴ Ibid., 572.

⁴⁵ Ibid., 569.

«Пока он лежал на земле, едва дыша, его душа, покинув тело, парила подобно птице и видела всё под собою: землю, море, реки, города, обычаи и страсти человеческие и все виды природы. После, возвращаясь в тело и заставляя его встать, используя его подобно орудию, она рассказывала об увиденном и услышанном»⁴⁶.

Как и в случае с описаниями пневматических экспериментов, здесь душа способна отделять себя от плоти при жизни, приводя к созданию того, что можно назвать астральным или иллюзорным телом, существующим в полубособенном состоянии двойственного пребывания. Зачастую этот феномен связывают с трансподобными состояниями изменённого когнитивного функционирования, в частности практиками инкубации сна и сновидческой йоги. Описание использования снов с целью отделения души от тела дано Тертуллианом, рассказавшем о мистических способностях Гермотима.

«Как говорят, он во время сна лишился души, словно бы уходящей из тела под предлогом того, что человек собирался отдохнуть. Жена это выдала. Враги, завладев спящим, сожгли его как усопшего. Душа, вернувшись позднее, полагаю, вменила себе в вину убийство»⁴⁷.

Аристотель и Платон верили, что душа была неактивна, пока тело бодрствовало, и активна, когда тело спало. В целом среди греков было распространено мнение, что душа может покинуть тело, только когда оно находится в состоянии покоя, будь то во сне или трансе. Дополнительную пищу для раз-

⁴⁶ Ibid., 573.

⁴⁷ Ibid., 573.

мышлений даёт факт, что Гипнос (Сон) и Танатос (Смерть) являлись детьми Нюкты (Ночи). К тому же место происхождения снов и царство мёртвых находятся в непосредственной близости друг к другу под землёй, что указывает нам на то, что греки были осведомлены о сходстве в паттернах сознания, свойственных обоим состояниям. Следующие строки цитирует Платон в «Меноне»:

*«...В блаженной доле
Все минуют конец, избавляющий от трудов;
И тело их следует за всемогущею смертью,
Но жив остаётся облик бытия (aionos eidolon),
Ибо только он — от богов.
Он спит, когда члены наши — при деле их;
А когда на них скатывается дрема,
Он в несчётных снах являет нам близящийся суд
Меж теми, кому радость и кому беда...»⁴⁸*

Здесь Платон имеет в виду не только смерть, но также греческие религиозные идиомы инкубации сна (вхождение в лиминальное состояние сна) и дивинации (предсказание будущего), служащие для пробуждения интуитивного измерения визионерского восприятия⁴⁹. Идеи эти, однако, относятся к странствию души, всё ещё привязанной к телу провидца; здесь нет объяснения, что именно происходит с душой на пороге смерти. У Еврипида мы находим следующие строки, объясняющие природу путешествия души после смерти:

«Пусть мёртвые покоятся в земле, и каждая часть вернётся туда, откуда явилась на свет дня, дыхание в небесный эфир, тело в землю. Ведь тело нам

⁴⁸ Ibid., 576.

⁴⁹ Bussanlch, J. The Roots of Platonism and Vedanta: Comments on Thomas McEvilley в International Journal of Hindu Studies 9, 1–3, 13.

не принадлежит, мы лишь берём его взаймы на жизнь, а после — земля, что выносила его, снова забирает себе»⁵⁰.

Мы снова встречаем сближение души с эфиром, а физического тела с землёй. Связь эфира с небесными сферами восходит ко временам Гомера и Гесиода: «Зевс, прекраснейший, величайший, владыка тёмных туч, обитающий в эфире»⁵¹. Данное представление повторяется в «Эпитафии Потидеи», где написано следующее: «Эфир забрал ваши души, а земля тела»⁵². Из-за своей тёплой, огненной природы душа стремится к эфиру, который является огненным воздухом, в то время как тело, обладающее теллурической природой, вновь сливается с землёй⁵³. Тем самым создан прецедент для появления дихотомии в сотериологии; в посмертном существовании есть два пути, первый — в ураническом эфире, второй — в хтонической земле. Сходные представления обнаруживаются в теории Гераклита о выдохах, согласно которой светлый выдох душ отправляется к Солнцу, от чего происходят день и лето, а тёмный выдох душ уходит к Луне, порождая ночь и зиму⁵⁴. Нечто схожее можно усмотреть в паре *deva loka* (мир богов) и *pitṛ loka* (мир предков) в индуизме⁵⁵. Перед нами, в некотором смысле, изначальная доктрина

⁵⁰ Mihai, A. Soul's Aitherial Abode According to the Poteidaia Epitaph and the Presocratic Philosophers в *Numen* 57, 558.

⁵¹ *Ibid.*, 562–563.

⁵² *Ibid.*, 556.

⁵³ *Ibid.*, 558.

⁵⁴ Bussanlch, J. The Roots of Platonism and Vedanta: Comments on Thomas McEvilley в *International Journal of Hindu Studies* 9, 1–3, 3.

⁵⁵ Smith, B. K. *Gods and Men in Vedic Ritualism: Toward a Hierarchy of Resemblance in History of Religions*, Vol. 24, No. 4. — The University of Chicago Press, May 1985. — 301.

зла, до того как на хтонический элемент была наложена моральная составляющая, трансформируя его из места загробной жизни под землёй в Ад — место вечных страданий. Хотя Аид и другие подземные царства мёртвых действительно имели внутри себя территории, отведённые для наказаний, большая часть находящихся там душ были обычными мертвецами, в этом смысле Аид был эгалитарен и становился приютом для всех душ, а не только «грешников».

В небесное царство, в отличие от Аида, было куда сложнее попасть и, если не брать в расчёт недавно возникшие авраамические представления, туда нельзя было прийти путём «прощения» и «веры». В мире Традиции эту награду обретали лишь те, кто хотел стать «большим, чем человек» и выйти за границы смертного состояния. В «Тимее» Платона со всей ясностью говорится, что обычные души «сойдут в Аид несовершенными и неразумными»⁵⁶. Вообще, это крайне архаичная цепочка рассуждений, уходящая в незапамятное прошлое, ведь архетип уранического и хтонического полюсов космической диады практически универсален для человечества. Безусловно, речь о великой иерогамии, браке Неба и Земли⁵⁷. С точки зрения Традиции, мир людей находился между двумя полюсами *axis mundi*. Мироздание состоит из трёх компонентов: Небо и Земля (*dyava-prthivi*) и среднее пространство (*antarika*) — этой тройственностью управляются структуры внутреннего и внешнего мира человека⁵⁸. Именно наш

⁵⁶ Sallis, J. *Chorology: On Beginning in Plato's Timaeus*, 88.

⁵⁷ Eliade, M. *The Sacred & the Profane: The Nature of Religion*. — USA: Harcourt, Brace & World, Inc., 1959. — 169.

⁵⁸ Kramrisch, S. *The Triple Structure of Creation in the Rg Veda in History of Religions*, Vol. 2, No. 1. — University of Chicago, 1962. — 144.

«мир» расположен между небесным и подземным миром на вертикальной прямой восхождения и нисхождения, в сакральном центре космоса. Разумеется, речь идёт не о конкретных физических локациях, но скорее о разных полярностях производных от психологических состояний — то, что привязано к физическому миру, возвращается к материи, то, что посвятило себя высшему этосу, обретает единство с божественным. Между двумя полюсами нет ни подчинённости, ни превосходства, только разница в перспективе — не все души будут искать соединения с божественным, предпочитая остаться в земном цикле перерождений до тех пор, пока не возжелают освобождения или мокши, как это называется в индуизме. Такая поляризация космоса является универсальным архетипом и восходит к древнейшим Традициям, включая Ригведу, а также к уже упомянутым греческим источникам. Небо и Земля, как диадическая монада, является закрытым целым. Акт творческого разрушения, а также удерживание пары таким образом, чтобы она стала Отцом Небом и Матерью Землёй, порождающими всю жизнь, являются испытанием, которым Бог-творец устанавливает своё превосходство⁵⁹. Разделение полюсов будет разъяснено ниже.

«Небо сверху, земля снизу. Между ними расположено Срединное пространство. Бог разделил монаду Небо-и-Землю и держал её разъединённой, поместив пространство между двумя»⁶⁰.

В Традиции Небеса являются владениями ведийского божества Савитара, который представляет высший аспект солярного символизма. Савитар По-

⁵⁹ Ibid., 142.

⁶⁰ Ibid., 140.

будитель, или Оживитель, отличается от Сурьи, воплощающего физический аспект Солнца. Савитар олицетворяет творческую силу, интеллект и высшие аспекты мышления, по сути, он является прямым аналогом греческого Аполлона, который представлял аспекты и формы разума, в отличие от Гелиоса — физического Солнца. Другие Небеса — это хтоническое царство бога Ямы, который, в отличие от христианской теологии, не ассоциируется со «злом». Та же самая ситуация с Аидом, Хель и бессчётным количеством других богов смерти — даже в дохристианской иудейской теологии Ад обозначался словом Шеол, что намекает на возврат в землю, а не место вечных страданий. Пока оригинальные тексты накапливали неверные толкования и ошибки в переводе, параллельно с упадком понимания Традиции человечество шло назад — ураническое посмертие стало доступно каждому в независимости от их духовного развития, а хтонический путь был трансформирован в территорию наказаний и пыток. В приведённом ниже отрывке из Ригvedы ясно даётся понять, что изначально никакого Ада не было — хтоническое царство было просто посмертной жизнью для обычных людей, не достигших состояния духовного совершенства.

«Есть три неба. Два из них — лоно Савитара. Одно, с мужами-победителями, — в мире Ямы. Это небо здесь, в этом мире, управляется смертью, другие являются мирами света, лоном Савитара, Побудителя, приводящего всё в движение»⁶¹.

Представление о диаде, сформированной Небом и Землёй, уходит корнями в незапамятные времена, однако оно никак не связано с существованием

⁶¹ Ibid., 153.

зла в космосе. Зло находится исключительно во владениях чистого ужаса, откуда происходят старейшие страхи человечества. Миф о зле, хаосе и мраке — пожирающей тёмной бездне, противопоставляется богам и космическому закону. Здесь, в первобытной тьме выживают наши древнейшие и глубочайшие страхи, грызущие корни рационального разума, призывающие картины невообразимого ужаса из тех уголков Вселенной, где не существует никаких законов. Здесь, в примордиальной тьме правит змей Вритра. В других Традициях великий змей известен нам под именами Пифон, Тиамат, Нидхёгг и множеством других, где он является не только символом зла, но также анта, противником Порядка. Тёмные пространства, где обитает Змей, поражены хаосом, отсутствием космического закона⁶².

«Источник ṛta, космического порядка, находится в царстве Асуры, Отца, за пределами сотворённого мира. В этом тёмном, неразличённом месте, всё есть воды. Но дитя Огня, Хираньягарбха, Сын Вод, Апам Напат, Агни оперится в своём тайном гнезде, расправит свои крылья и осветит космос, Сат, сущее, норма и порядок (ṛta) устремятся в него из источника. Но сперва должно быть преодолено огромное препятствие, прежде чем воды творения смогут течь в космос. Спящий, он преградил им путь, окружил и полностью покрыл своей тёмной силой. Это змей Вритра, Облачитель. Вритра скрыл царство Отца, затруднил творение. Вритра рос во тьме, куда не проникал ни единый луч Солнца. Он скрыл два этих мира, которым было суждено возникнуть, Небо и Землю, будущую монаду,

⁶² Kramrisch, S. The Triple Structure of Creation in the Rg Veda в History of Religions, Vol. 2, No. 2. — University of Chicago, 1963. — 273.

в нём заключалось абсолютное отрицание бездонных вод, когда над ними не было ни пространства, ни неба. Вритра был разрублен Индрой, Освободителем вод и Творцом космоса, Царём Мира»⁶³.

Змей Глубин — это очевидная метафора для подсознательного животного импульса, представляющая страх перед нашими собственными тёмными глубинами. Змея, будучи рептилией, хладнокровным животным, символизирует грубую силу звериной природы, которая связывает нас с биологическим миром и нашими беспокойными первобытными предками. Воды представляют текучую природу подсознания, тайники разума, в глубинах которых скрывается Змей. Он — это первичный хаос, находящийся в оппозиции к космическому порядку. Именно ко Вритре доставляются злодеи и те, кто намеренно искажает слова и истину ⁶⁴. Как Вритра, заклятый враг, Змей (ahi), которого убивает Индра, создатель нашего мира, он лежит во тьме (rajaso budhnam asayat), блокируя воды, чтобы они не влились в сотворённый мир, но остались в неразличённой целостности⁶⁵. Когда Индра убил Вритру, сознание и сила разума в нём были высвобождены как магическая сила творения, которая позволила человечеству построить цивилизацию. В этом мифе заключено не что иное, как представление о переходе человека из состояния обычного биологического организма в думающее и рациональное божество. Перед нами борьба сознания с подсознанием и мифологическое изображение вспышки разума в начале вре-

⁶³ Ibid., 272.

⁶⁴ Ibid., 275.

⁶⁵ Ibid., 275.

мён. Всё ещё соединённый с силами подсознательного, Змей в своём втором воплощении снова живёт в водах, но теперь он подчинён воле Богов и Порядку, функционируя в рамках созидательной роли. Ахи Будхнья неспособен творить и потому слушает песни поэтов, одобряя и благословляя их, или же наказывая их и строя препятствия, уничтожая или позволяя существовать всему, что создано ⁶⁶. Змей, вместо слепого нападения на любые проявления творческой силы, теперь занимает иную роль, выступая судьёй творений смертных.

Таким образом, у истоков Традиции существуют две противоположности — Порядок/Хаос и Небо/Земля. По сути, это именно то, что Бахофен упоминает как пару уранического и теллурического. Они фундаментально различаются, поэтому важно не занимать редукционистскую позицию и не сводить все диады к одной бинарной системе. Одна диада вовсе не обязательно представляет другую или как-то связана с нею. И Небо, и Земля подчинены закону $\eta\theta\alpha$ и богам, даже подземный мир мёртвых подчиняется законам. Змей, с другой стороны, является чистым Хаосом и врагом Порядка. Змей мешает исполнению $\eta\theta\alpha$, космического порядка, таким образом, чтобы восхождение любой души стало невозможным, а человек пребывал в жалком состоянии отсутствия понимания, души и сознания. Мы можем увидеть, как существование этих сил демонстрируется законами математики: Порядок как «Золотое сечение» и Хаос как «теория хаоса» — согласно которой гигантские явления,

⁶⁶ Ibid., 276.

например ураганы, могут возникать из-за почти неразличимого трепета крыльев бабочки⁶⁷.

Восхождение в небесный мир — это путь бессмертия. Загробная жизнь в подземном мире подобна спокойному сну, длящемуся до следующего рождения. В Землю они возвращаются и на Земле перерождаются. Те, кто сумел возвыситься над обусловленностью смертной жизни, избегают цикла перерождения и воссоединяются с божественным. Таким образом, принятие Порядка и ṛta подразумевается как условие для восхождения. Ниже прямо проговаривается, что человек обретает бессмертие только в результате получения мудрости или посредством ритуальной практики.

«Смерть говорила богам: “Теперь все люди, несомненно, будут бессмертны. В чём же будет моя доля?” Они ответили, “С этого момента никто не станет бессмертен телом (saṃra). Только когда ты заберёшь его как свою долю, он станет бессмертным, посредством ритуала (kaṃra) или знания (vidyā)»⁶⁸.

Бессмертие не может быть достигнуто физически, только бестелесно. Перерождение смертных (метемпсихоз / реинкарнация) всегда ассоциировалось с материальным царством Земли (или, вернее, Gē — мир под землёй), а нематериальный аспект бессмертия был связан с воздухом и эфиром. Как мы убедились ранее на греческих примерах, души отправлялись к Зевсу в эфир, а тела возвращались в Землю. Более того, в отличие от представлений современной христианской теологии, Небеса были

⁶⁷ Young, D. *Origins of the Sacred: The Ecstasies of Love and War*, 28.

⁶⁸ Smith, B. K. *Gods and Men in Vedic Ritualism: Toward a Hierarchy of Resemblance in History of Religions*, Vol. 24, No. 4., 296.

доступны не всем. Божественность человека (daiva ātman) выковывается онтологической силой ритуальной работы. Он «обретает» «человеческий мир» (mānuṣya loka), то есть он реализует свои потенции и получает доступ к «небесному миру» (svarga loka), в который переходит после смерти⁶⁹. Душа, таким образом, «рождается в жертвоприношении», то есть это ритуальная конструкция, так же как и в случае с Праджапати/Дакшей. Жертвоприношение определяет конкретные измерения daiva ātman; ритуал переводит участника в божественную форму.

«Жертва становится атманом жертвующего в ином мире. Воистину, жертвующий, знающий это, производя жертвоприношение, приходит к существованию с целым (sarva) телом [...] его ритуальные достижения на земле есть точная мера его daiva ātman»⁷⁰.

Таким образом, целью жертвоприношения было обретение бессмертия в небесном мире путём обретения божественной самости в этом после смерти⁷¹. В процессе восхождения участник ритуала иногда отождествляется с птицей. Сам огненный алтарь изначально представлял птицу. Аналогичные образы с лёгкостью прослеживаются в ангелах христианской Традиции. Полёт — это универсальный символ восхождения души. В данном случае уај̄на, а не приносящий жертву, принимается за птицу⁷². Жрецы брахманы считались человекобогами (mānuṣya devas) и потому должны были задабриваться в процессе ритуала наравне с другими богами:

⁶⁹ Ibid., 299.

⁷⁰ Ibid., 304.

⁷¹ Ibid., 292.

⁷² Ibid., 293.

«Существует два вида богов. Ибо боги являются богами, а брахманы, которые учатся и учат, это человекобоги. Жертвоприношения должны быть двух видов: подношения — это жертвы богам, а вознаграждение за жертвоприношение — это жертва человекобогам, брахманам, которые учатся и учат. Подношениями задабривают богов, вознаграждениями за жертвоприношения задабривают человекобогов, брахманов, которые учатся и учат. Оба типа богов, когда задобрены, помещают его в состояние благополучия»⁷³.

Человеку необходимо не только покинуть этот мир, но также прибыть в небесный мир и произвести жертвоприношение там, где «оно имеет единственное истинное основание (*pratiṣṭha*), единственное истинное завершение (*nidhana*)»⁷⁴. Переход из одного состояния в другое иногда носит рискованный характер. Опасность остаться в небесном мире особенно актуальна для царя, совершающего жертвоприношение. При проведении *gājasūya* царь должен сначала «отправиться в небесный мир», но потом обязательно вернуться на землю, которая является его «прочной опорой»⁷⁵.

«Благодаря освящению *gājasūya* он восходит на небеса. Если он не вернётся в этот мир, он отправится в область, лежащую ниже всех человеческих существ, или сойдёт с ума. Для этого в жертву приносятся сбритые волосы [*keśavaraṇīya*], что сопровождается обратным пением. Так же, как если бы он спускался с дерева, хватаясь то за одну ветку, то за другую,

⁷³ Ibid., 291–292.

⁷⁴ Ibid., 296.

⁷⁵ Ibid., 306.

так же он спускается с помощью этого обряда в наш мир. Он служит для обретения прочной опоры⁷⁶».

Смысл ясен — те, кто не воспарил над ограничениями смертных, возвращаются к Праджapati, в цикл рождения и смерти. Лишь тем, кто преодолел ограничения человеческой жизни, дозволено вернуться в небесный эфир и обрести бессмертие. Традиции сходятся во мнении относительно того, как это должно быть достигнуто, при этом восхождение практически единогласно ассоциируется с полётом.

«Полёту» предшествует выход души из тела. Описания этого процесса в Традиции бесчисленны, при этом зачастую используются образы башни, дома, головы/черепа — или верхнего отверстия, делающего переход в иной мир возможным. К примеру, верхнее отверстие индийской башни, помимо прочих имён, носит обозначение *brahmarandhra*, которое также используется для обозначения отверстия на вершине черепа⁷⁷. В индуистской мысли, Архат, «проломивший крышу дома» и улетевший по воздуху, по сути, преодолел смертность и обрёл высшее состояние Бытия⁷⁸. Буддистские тексты также упоминают архатов, которые «летают по воздуху и ломают крышу дворца», которые «летая по своей воле, ломают и проходят сквозь крышу дома и путешествуют по воздуху»⁷⁹. В доисторическом Китае и Этрурии погребальные урны делались в форме дома с отверстием, разме-

⁷⁶ Ibid., 297.

⁷⁷ Eliade, M. *The Sacred & the Profane: The Nature of Religion*, 174.

⁷⁸ Ibid., 176.

⁷⁹ Ibid., 175.

щённым наверху, позволявшим душе мёртвого человека входить и выходить⁸⁰.

Мы обнаруживаем практически идентичное представление в тибетском буддизме. При приближении смерти семья умирающего просит ламу провести церемонию пхова (перенос сознания в момент смерти)⁸¹. Пхова является эзотерической практикой, знания о которой передаются изустно — однако письменные материалы, имеющие отношение к практике, также можно найти, например в «Шести йогах Наропы» (и «Шести йогах Нигумы»), упоминания данной практики также встречаются в «Тибетской Книге мёртвых». Пхова также связана с практикой, позволяющей Далай-ламе переродиться. Как таковая, пхова является одной из наиболее охраняемых тайн буддистской Традиции и, как считается, столь сильна, что даже самые испорченные души могут обрести освобождение с её помощью.

«Даже если человек столь грешен, что убивает святого каждый день и совершил пять Тяжких Грехов, если он ступит на путь пховы, завесы греха исчезнут. Для людей, совершивших много грехов, и для всех существ это путь освобождения, прямой и тайный⁸²».

Точкой выхода для души является шов на вершине черепа. Помимо девяти обычных отверстий тела, называемых буга, существует отверстие на макушке головы, это отверстие позволяет душе покинуть тело в момент смерти и отправиться сразу в чи-

⁸⁰ Ibid., 179.

⁸¹ The Teaching Of Phowa (Transference Of Consciousness at the Time Of Death) According to the Teaching of the Patul Rinpoche in the Kunsang Lami Shellung, 290 — shortened and taught by the Venerable K. C. Ayang Rinpoche of the Drigung Line of Kagyudpa, Bylakuppe, Karnataka State/India, 1.

⁸² Ibid., 5.

стые владения Будды (Dewa Chen) ⁸³. Физически это место соответствует шву, сформированному теменными костями, известному как сагиттальный шов. С эзотерической точки зрения, он также представлен в тантрической Традиции под именем сахасрарачакра. Любопытно, что данное отверстие также упоминается в герметизме и египетской Традиции, где душа представляется как крылатое солнце на вершине кадуцея — это ещё один символ восхождения, означающий контроль над змеиной природой.

Именно освобождение души от тела позволяет человеку обрести бессмертие, причём данный процесс строго не связан с моралью и этикой. Вместо этого внимание уделяется совершенствованию практик внутри соответствующей Традиции — бессмертие, таким образом, является привилегией тех, кто принадлежит Традиции, овладел практиками и достиг в них совершенства. Те, кто не совершает техник, несмотря на то что являются хорошими и нравственными людьми, не могут совершить восхождение и вместо этого попадают в хтоническое посмертие, как и большая часть душ.

В авраамических традициях мы находим образ восхождения души, представленный в виде моста или узкого прохода, что наводит на мысли об опасности этого пути. Инициация, смерть, мистический экстаз, абсолютное знание и вера в авраамических традициях являются механизмами восхождения ⁸⁴. Аналогично в иранской мифологии мертвецы пересекают мост Чинват; для праведных людей он девять копий в ширину, но для грешных становится узок

⁸³ Ibid., 6.

⁸⁴ Eliade, M. *The Sacred & the Profane: The Nature of Religion*, 181.

как «лезвие бритвы»⁸⁵. Апостол Павел также описывал мост «узкий, словно волос», соединяющий наш мир и Небеса. Средневековые легенды повествуют о «мосте под водой» и мосте-мече, который Ланселот должен был пересечь босиком и с голыми руками; он «острее косы» и проходится «в боли и агонии»⁸⁶. Такое представление идентично финскому мифу, описывающему мост, покрытый иглами, гвоздями и бритвенными лезвиями, по которому мёртвые проходят в иной мир⁸⁷.

Хотя сама Традиция является фиксированной универсальной истиной с бесспорной достоверностью, то же самое не может быть сказано относительно человеческих интерпретаций Традиции, таких как законы, учения и доктрины. Культурные интерпретации и переводы на различные языки действительно обретают различия, а сама Традиция зачастую оказывается окрашенной в причудливые и ошибочные адаптации. Особое значение это обретает сегодня, когда люди, которые никогда не были бы допущены к представлению Традиции, оказываются на позиции авторитета, что наносит ущерб общественному имиджу и восприятию религии. Тем не менее это характерная черта нашей эпохи — дхарма и религиозные законы действуют в полную силу только в Золотом веке или Сатья-юге. С ходом цикла эпох их сила ослабевает, и в последнюю эпоху, Железный век, Кали-югу или Волчий век, традиционные законы начинают колебаться и могут быть укреплены только теми, кто обладает врождёнными каче-

⁸⁵ Ibid., 181–182.

⁸⁶ Ibid., 182.

⁸⁷ Ibid., 182.

ствами и личным благородством людей первой эпохи, оставшихся здесь, чтобы помочь людям преодолеть трудности и достичь нового Золотого века, действуя подобно бодхисаттвам. Из-за редкости таких личностей сама Традиция более не представлена в своей чистой форме, а те, кто был обучен поддерживать её, сами стали симптоматичным проявлением эпохи. Под таким влиянием даже связь с нуминозным, выкованная посвящением, вызывает некоторый скептицизм и подозрение. Всё, что пало, должно быть воссоздано заново.

Сейчас Традиция должна адаптироваться к выживанию в Тёмную эпоху таким образом, чтобы она могла быть передана аудитории, которая невежественна и невосприимчива. Требуется новый перевод, новый пророк, способный реформировать и заново истолковать язык Примордиальной Традиции, передав её такими средствами и в таком виде, которые будут соответствовать текущей эпохе. Это крайне важно для тех религий, которые хотят выжить. Языки, символы и универсалии изменяться не должны, они не могут измениться в силу своей сущности — с ходом времени Традиция не меняется, но меняется форма, в которой она проявляется в нашем мире. Сама Традиция не может исчезнуть бесследно, но религии, являющиеся её голосами, гибнут вместе со взлётом и падением цивилизаций.

Даже когда homo modernus отрицает существование Традиции, он утверждает её посредством того, что называет наукой, открывая идеи, которые были известны Традиции сотни лет назад — наука это лучший друг религии... вопреки мнению некоторых, наука заново утверждает существование Бога, а мнимое несоответствие между двумя этими сфера-

ми знаний является ложной дихотомией. Однако используя одну лишь науку, человек находит только то, что исчислимо, может быть измерено и объяснено. Поэтому для объяснения своего онтологического существования человек прибегает к созданию ещё одной науки — психологии, — которая может перевести в язык символов и архетипов, доступных для обсуждения, внутренний опыт человека и, по сути, действовать на том месте, где раньше была религия. Была рождена архетипическая психология — переосмысление мифологии и древней мудрости, но с новой юной силой науки. Несмотря на появление такой замены, всё ещё отсутствовало реальное ядро личности и общества. Один из основоположников современной психологии, Карл Юнг, признавал утрату человеком внутренней жизни трагедией:

«Проблема души современного человека относится к тем вопросам, которые необозримы именно из-за своей современности. Современный человек — это человек, только что образовавшийся, современная проблема — это вопрос, который только что возник, а ответ на него пока ещё находится в будущем»⁸⁸.

Таким образом, современный человек не тождественен человеку Традиции — внутренняя уверенность, даруемая Традицией, исчезла. В эту эпоху человек тянется к себе, пытается раскрыть свою суть, своё Бытие, но так как теперь требуются количественные доказательства и эмпирические измерения, он более не способен раскрыть то, что в нём сокрыто — уникальную душу, которую Хайдеггер называл Бытием. Человек Золотого века всё ещё может родиться и обрести своё Бытие, но материалистичная

⁸⁸ Jung, C. G. *Modern Man in Search of a Soul*, 200.

природа нашей эпохи связывает и ограничивает его. Это мнение разделял последний из крупных представителей вечной философии, Хастон Смит:

«Даже наркоман, который бродит по улицам в поисках дозы, и убийца, преследующий обречённую жертву, тянутся к своему бытию. Дороги, по которым они ходят, это тупики, если оценивать их с отстранённой точки зрения или же рассматривая исключительно вред, который они наносят другим. Но если мы рассмотрим кокаиновый приход сам по себе, в отрыве от последствий, мы будем вынуждены оценить его позитивно; то же самое касается удовлетворения, охватывающего убийцу, осуществившего мечь. *Esse qua esse bonum est*. Чем больше бытия, тем лучше»⁸⁹.

Бытие, желание выразить свою душу, без руководства Традиции, таким образом, выливается в другие аспекты — искусство становится средством самовыражения, нежели сферой навыка, наркотики используются для заполнения внутренней пустоты, и даже преступление является выражением личного Бытия и актом протеста против современности. Духовный корень кризиса современного мира исходит из кризиса Бытия. Утрата Бытия тождественна утрате души и даже утрате человечности как таковой. Вслед за этим неизбежно следует крах культуры и социального устройства.

Не интересующийся своим прошлым, неспособный представить будущее, *homo modernus* становится чисто воплощением момента, вечно находящимся в поисках того, что сможет заполнить полость, оставленную Бытием, и заглушить бесконечный ужас, подпитываемый экзистенциальной пусто-

⁸⁹ Smith, H. *Forgotten Truth: The Common Vision of the World's Religions*, 77.

той вечного настоящего. Отрицая своё собственное Бытие, свою душу, современный человек отрывает себя от высшего сознания, от связи с макрокосмом, бесконечно чистым разумом и телом Бога. Подобно тому как тело Бога было жертвой, так же и космос, отражённый в человеке. Телеологический макрокосм, являющийся Богом, воссоздан в микрокосме, коим является человек. Таким образом, утрата Бытия может быть приравнена к отделению души от природы, человека от Бога и тела от духа. В то же время человек представляет себя всего лишь животным, благодаря «прогрессу» взошедшим на позицию хозяина природы, вместо того чтобы жить в гармонии с ней. Человек уверен, что он просто биологический организм и, в то же время, твёрдо верит, что он лучше других животных, поэтому может уничтожать их мир и пытаться живых существ по своей прихоти. Отрицая свою высшую онтологическую способность, человек опускается до звериного состояния, становясь самым разрушительным и опасным из зверей, убивающим ради удовольствия или из жадности.

Учитывая вышесказанное, неудивительно, что современный мир отрицает традиционные представления о жизни после смерти, ибо никто из современных людей не был бы способен совершить духовное восхождение. Столь же неудивительно, что хтонический мир был переделан в место наказания для грешников и что в антитрадиционном мире продвигаются учения об эгалитарных Небесах. Из-за перехода современного человека к экзистенциальному нигилизму соответствующая ничтожность стала превалировать и в культуре, в результате чего священная мудрость религии стала попросту бесполезной. Традиция потеряла власть и последователей; без присущей ей некогда

силы и качества практикующих она не смогла выдержать смертельного удара, нанесённого капиталистическим обществом. Учения древности сегодня доступны нам в неполном виде, в частности, отсутствуют доктрины восхождения. Так как это был наиболее охраняемый из аспектов традиционного знания и мистицизма, неудивительно, что именно он был утрачен в первую очередь. Небо и Земля были переосмыслены как нравственные абсолюты, заменив представление о двойной сотериологической функции.

Кризис самости и души станет великим полем битвы двадцать первого века, это будет борьба высших мыслей с низшими материальными желаниями. Как пишет Нойман, «Возврат ума из сознательного в бессознательное, ответственный подход человеческого сознания к силам коллективного психе — такова задача будущего»⁹⁰. Там, где присутствует несоизмерность между индивидуальным Бытием и культурным духом, возрастают семена недовольства. Необходимо вернуть утраченное и признать первичную важность бытия, а не представления о животном в человеческом обличье; наш императив — преобразить себя в жертвоприношение и тело Бога.

Homini enim impressa est imago Dei, ut in ea luceat et agnoscatur Deus. Imago enim debet ostendere acherupum.

Конец ознакомительного фрагмента книги.

⁹⁰ Neumann, E. *The Origins and History of Consciousness*, trans. Hull, R. F. C. — USA: Princeton University Press, 1993. — 393.